

УДК 141

Борис Михайлович Лепешко*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии и экономики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Boris Lepeshko***Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Economics
at the Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: borys.lepieszko@tut.by***СОЦИАЛЬНАЯ ИСТИНА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ**

Обосновывается тезис, согласно которому развитие методологического знания вовсе не является гарантией эффективности социальных исследований. Доказывается, что прямая связь между выбором той или иной теоретической доктрины и практикой научного поиска опосредована конкретной работой самого учёного, а также системой формально-логических доказательств. Обосновывается мысль о важности конвенциональных практик в процессе научного поиска. Рассматривается категория «наука», анализируются некоторые эпистемологические идеи П. Фейерабенда и К. Свасьяна.

Ключевые слова: методология, социальные исследования, формальная логика, эпистемология.

Social Truth and Methodological Pluralism

The thesis is substantiated, according to which the development of methodological knowledge is not at all a guarantee of the effectiveness of social research. It is proved that the direct connection between the choice of a particular theoretical doctrine and the practice of scientific research is mediated by the specific work of the scientist himself, as well as by the system of formal logical proofs. The idea of the importance of conventional practices in the process of scientific research is substantiated. The category «science» is considered, some epistemological ideas of P. Feyerabend and K. Svasyan are analyzed.

Key words: methodology, social studies, formal logic, epistemology.

Нынче много толкуют о методологическом плюрализме. Десять, времена марксистской определенности канули в Лету, люди не удовлетворены тем, что истина одна и всегда конкретна, привычная схема об истинах объективной, абсолютной и относительной устарела. Истин много, и эта неопределенность есть символ времени. Примеры многообразны и общеизвестны: оценка революций, разного рода перестроек, реформ и др. Но здесь возникает ряд вопросов, на которые хотелось бы отыскать варианты ответов. Первоначально такой: если методологий много (а эта констатация сомнений не вызывает), то как быть с истиной? То есть различные методологии постулируют одни и те же истины? Но если так, то закономерен вопрос такого порядка: а зачем тогда некий спектр методологий, зачем говорить о позитивизме, экзистенциальных предчувствиях, разного рода постмодернистских ухищрениях? Какой во всем этом смысл? Если же методологии дают различные ответы на один и тот же социальный вопрос, по-разному освещают одну и ту же проблему, то как определить, где правда, а где ложь, и вообще возникает вопрос о пра-

вомерности такой постановки проблемы. То есть возникает вопрос о принципиальной возможности самой истины.

Желание получить определенный и ясный ответ понятно, но вряд ли осуществимо. Любые оценочные суждения могут подвергнуться остракизму и зачастую сложно определить, где начинается «чистая» эпистемология и где она заканчивается и начинается политика, идеология и т. д. Критическое отношение к идеям таких титанов мысли, как К. Маркс и Ф. Энгельс тому прямое подтверждение. Та же констатация может быть применена к социальной футурологии, другим направлениям общественной мысли. Апелляция к избранной методологии мало что дает, кроме пиетета перед личной убежденностью. Как убедить оппонента в том, что избранная тобою теоретическая схема является единственно верной? Или одной из нескольких верных теорий? При помощи фактов? Но любой факт сам по себе должен быть доказан, и вполне возможна ситуация, когда на прямой факт выдвигается прямой или косвенный контрфакт или же система доводов, логически непротиворечивая и имеющая подтверждения в

практической деятельности. И вообще апелляция к практике вызывает обоснованные сомнения в связи с различной системой интерпретационного своеволия.

В связи с этим получается, что в условиях методологического плюрализма единственно верный выход – признание возможной верности любых выдвинутых постулатов, и все зависит от сугубо субъективных факторов: личного мироощущения, мировоззренческого выбора, политического заказа, идеологической ангажированности и т. д. Другими словами, можно выбрать любую методологию, и весь вопрос может быть сведен к системе аргументов.

Но такой вывод нас мало удовлетворит. Перед нами все то же безбрежное поле возможностей, и марксистская определенность остается недостижимой мечтой. Для некоторых исследователей это и есть реализация главной цели: убежденности в том, что истина всегда многоаспектна и это нормальный ход научной мысли. Но многие и возражают против такого подхода. Выход видится в конвенциональном варианте: мы «просто» договариваемся, что есть истина на основе движения социума, собранных доказательств и логической достоверности (непротиворечивости). Более того, в ряде случаев даже логическая противоречивость есть фактор позитивный – как понимание источника движения мысли. Величие, например, К. Маркса не только в том, что он выстроил непротиворечивую логическую и естественнонаучную схему, но и в том, что он обратил внимание на противоречия общественного развития как доминанту социального развития. При этом число и качественный состав участников конвенции определяется профессиональным сообществом.

В этой ситуации любые события в общественно-политической жизни стран постсоветского лагеря (к примеру) могут по-разному интерпретироваться в зависимости от господствующего политического тренда. И истина есть следствие не столько выверенных теоретических конструкций, сколько идеолого-политических приоритетов. Этому нет смысла сопротивляться в теоретическом ключе, это может и должно быть принято, поскольку подобного рода констатации неслучайны, они есть следствие сложившейся системы отношений и

господствующих в данный момент общественных настроений.

Скажут: здесь мало науки, но много политики. Да, это так. Но в условиях дискредитации самого понятия социальной науки и господствующего разнобоя мнений иной вариант трактовки происходящего просто невозможен. Надо просто называть вещи своими именами. Можно по-разному оценивать, например, первые итоги президентства В. Зеленского, но факт остается фактом: он возглавляет рейтинг политических лидеров страны (лето 2021), и его перспективы дальнейшего укрепления доверия вполне могут быть оптимистичными. При помощи какой методологии мы можем относительно адекватно оценить перспективы его руководства? При помощи различного рода психологических теорий? Тогда возможны отсылки к особенностям национального менталитета и специфике исторической памяти. Обращаясь к истории повседневности? Тогда посчитаем довольных и недовольных его политической линией и приведем соответствующий цифровой материал. Но любая методология «разобьется» о цифры рейтинга, свидетельствующего о популярности того или иного политика. И разговор не о «сиюминутности», а о том, что иных объективных критериев мы просто не обнаружим, точнее, их можно постулировать, но они мало что дают. Скажем, решения о подъеме тарифов могут вызывать общественное недовольство, но здесь все относительно. Хорошо памятна футурологические прогнозы ряда ученых о неизбежности экономического краха Украины, однако практика демонстрирует возможности выживания страны даже в условиях принятия непопулярных и недальновидных решений.

Можно констатировать, что любые попытки выстроить некую иерархию методологических предпочтений могут иметь смысл в очень узких пределах. Постулирование различных методологических новаций возможно и необходимо, но очевидна необходимость четкого определения критериев такого решения и определения их целей и смысла. Для классиков марксизма такой целью и смыслом выступала не теория сама по себе, а реализация вполне конкретной цели, связанной с развитием коммунистического движения и его перспективами.

Интересно, какие цели и перспективы сегодня преследуют, скажем, адепты различных течений постмодернистского толка? Дегуманизация человека? Апофеоз сексуальности, поиски смыслов и словесная эквилибристика? И чего можно достичь в результате социальных экспериментов на основе именно такой методологии? Революция чего? Принципиальное неприятие революции? Тогда что вместо нее? Вопросы такого рода можно множить, но суть от этого не меняется: чаще всего цель и смысл принятия методологических клише сводится либо к поклонению тому или иному популярному сегодня теоретическому «богу», либо к применению того или иного положения ради самого этого положения.

К сожалению, надо привыкать к мысли, что социальная истина почти всегда условна и редко достижима (в абсолютном смысле). Речь должна идти не столько о применении той или иной методологии, сколько о добросовестной и педантичной работе фактологического и формально-логического характера. Методологический плюрализм вовсе не гарантирует социальной истины. Он может быть предпосылкой истины, но может и не быть. И увлечение методологическим плюрализмом не должно быть самоцелью. Учить молодых исследователей надо формально-логическому инструментарию (во всех мыслимых формах), анализу лучших образцов различных методологических концептов, в том числе и спорных, различным способам верификации как собственных идей, так и идей предшественников.

Послушаем, например, Пола Фейерабенда – известного методолога и сторонника критического взгляда на возможности человеческого разума. В работе «Прощай, разум» он дезавуирует не просто понятие истины, а возможность человека в принципе добиться объективного знания. С его точки зрения, «культурное многообразие не может быть охвачено формальным понятием объективной истины, ибо содержит в себе множество таких понятий. Тот же, кто настаивает на конкретном формальном понятии, сталкивается с теми же проблемами, с которыми сталкиваются защитники какой-то конкретной концепции мира» [1, с. 16]. Если мы обратимся к конкретным проблемам социальных наук, то легко заметим, что

подтверждений этой мысли в практике общественной жизни можно найти достаточно много. Вот 30 лет прошло после известных событий в Москве, связанных с деятельностью ГКЧП. Тридцать лет прошло, а установить объективную истину невозможно. Множатся воспоминания, свидетельства очевидцев, но многие истины остаются тайной за семью печатями. Сколько погибло людей во время августовских событий, какова была логика противоборствующих сторон, есть ли некий метафизический контекст в противоборстве и т. д., так до сих пор и неясно. Несложно предположить, что эта неясность надолго, если не навсегда. И какой бы методологический контекст мы ни избрали, объективная истина угадывается с трудом, точнее, она фактически невозможна. И дело тут вовсе не в том, что «фактов недостаточно». Фактов как раз может быть и в избытке; дело в ином – в принципиальной невозможности, как утверждал Фейерабенд, свести массу формальных понятий к некому общему знаменателю. Вот что означает поражение ГКЧП? Торжество демократии или гибель великого государства, движение по пути цивилизованных народов или утрату родовых признаков, традиционных ценностей? Любой непредвзятый исследователь скажет: ответа нет.

Так какой же вывод напрашивается, например, с точки зрения Фейерабенда? Нельзя отрицать, что есть методологические концепции, теории, следование которым способствовало существенному приращению человеческого знания, и дело здесь не только в иррациональных изысках. Надо признать, что эти выводы исследователя также могут быть оспорены. Допустим, он объявляет «безукоризненным философом» Эрнста Маха, который предвосхитил важнейшие особенности квантовой механики. Мало того, методология Маха может быть востребована и представителями социальных наук, поскольку он обращался к истории, а не к абстрактным моделям [1, с. 6]. Но общеизвестно и критическое отношение этого мыслителя к эмпирическим позитивистским построениям. Иными словами, попытки выстроить собственную альтернативу методологическому плюрализму путем выдвижения на первый план неких «идеальных» концепций также вызывает

споры. И это тот замкнутый круг, который непреодолим.

Мы не так давно пережили кризис марксистского обществознания и «успешно» справились со многими постулатами соответствующей теории. Что в итоге это дало? Крен в сторону привычных позитивистских клише, реанимация формулы «факт и его интерпретация», верификация и заимствование опыта естественных наук. Существуют, правда, известные феноменологические теории, начиная с трудов Гуссерля. Здесь многое спорно и не до конца апробировано. Вот как пишет, например, Карен Свасьян: «Что есть познание? Очевидно, что единого и универсального ответа на этот вопрос история мысли дать нам не может, налицо ряд многообразных решений, зачастую альтернативных, так что, говоря о «теории познания» (в единственном смысле), мы в историческом смысле попросту имеем дело с чистейшей рассудочной химерой» [2, с. 47]. Мало того, все разговоры о «научности» бессмысленны, поскольку «та научность, с которой мы имеем дело, представляет вполне определенный и, следовательно, ограниченный исторический продукт, настолько эффективный, что возведенный нами до степени исключительности и общеобязательности, как если бы мы только и владели единственной значимым научным методом» [2, с. 49]. Но это признание имплицитно содержит ту истину, что единственно научного метода нет и быть не может, что все наши упования на то, что «метод спасет истину» также бессодержательны. Метод, конечно, многое может, но он не может привести к общему знаменателю наши разнородные знания об обществе (в частности). На один метод всегда может быть найден иной с альтернативным смысловым итогом. И феноменология здесь не исключение. Кстати, здесь наблюдается движение по двум смысловым осям. Во-первых, речь идет о единстве всех известных методологических теорий и выработке на этой основе единого подхода. В качестве примера можно обратиться к идеям талантливого санкт-петербургского автора А. Полякова с его коммуникативным методом [3]. Второй путь более традиционный и апеллирует к поиску все того же эйдоса права, истории, филологии и др. в зависимости от профессиональных интересов.

Признаем, что идеальные конструкции о важности и будущности, например, феноменологии, звучат интересно и убедительно. Вот как это описывает упоминавшийся Карен Свасьян: «Феноменология – последовательная цепь актов беспредпосылочного познания мира в его изначальной, чистой, безусловной самоданности и самоочевидности. Ее цель – радикальное очищение опыта от всяческих субъективистских и объективистских примесей и наслоений и возвращение к самим вещам» [2, с. 55]. Звучит заманчиво, только неясен сам механизм применения подобного методологического инструментария. Поэтому назвать практические работы, где бы данная методология (актуальная сегодня) активно применялась, затруднительно. Разве что работы самого А. Полякова [4].

Какие выводы следуют из сказанного? Их несколько.

Во-первых, общеизвестное: мы переживаем период, когда единая методологическая теория и, естественно, понимание объективности истины остается недостижимой мечтой. Можно уточнить: это не исключает достижение локальных успехов на том или ином научном поприще, успешной деятельности многих ученых. Здесь позитивную роль могут сыграть междисциплинарный подход, заимствование методологий, продемонстрировавших свою эффективность в рамках иных (не социальных) наук, привлечение новых идей (например, феноменологии).

Во-вторых, применение той или иной методологической теории вовсе не является автоматической гарантией успеха. Любые данные должны быть верифицированы в добром старом позитивистском ключе. Исследователь должен привыкнуть к мысли об относительности истины, ее возможной (и даже обязательной) критике, выдвижении альтернативных точек зрения.

Текущее знание, и прежде всего знание социального, есть непреложный факт, и хорошо априори, до погружения в ту или иную проблему, свыкнуться с этой мыслью. Допустим, распространены упреки исторического знания в том, что «история не наука», на основании того, что данные исследований постоянно переписываются. Но это неверный подход. По большому счету такой упрек можно высказать представи-

телям любой из общественных наук. К тому же высказываются обоснованные сомнения

в понимании единого смысла самого понятия «наука».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фейерабенд, П. Прощай, разум / П. Фейерабенд. – М. : Астрель, 2010. – 479 с.
2. Свасьян, К. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика / К. Свасьян. – М. : Акад. проект, 2010. – 206 с.
3. Лепешко, А. Б. Коммуникативный подход к совершенствованию национального законодательства / А. Б. Лепешко. – Брест : Альтернатива, 2016. – 183 с.
4. Поляков, А. В. Общая теория права : учебник / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – СПб. : Изд. дом С.-Петербур. ун-та, 2005. – 472 с.

REFERENCES

1. Fejerabend, P. Proshchaj, razum // P. Fejerabend. – M. : Astrel', 2010. – 479 s.
2. Svas'jan, K. Fienomienologichieskoje poznanije. Propiedevtika i kritika / K. Svas'jan. – M. : Akad. projekt, 2010. – 206 s.
3. Liepieshko, A. B. Kommunikativnyj podkhod k soviershenstvovaniju nacional'nogo zakonodatiel'stva / A. B. Liepieshko. – Briest : Al'ternativa, 2016. – 183 s.
4. Poliakov, A. V. Obshchaja teorija prava : uchiebnik / A. V. Poliakov, Ye. V. Timoshina. – SPb. : Izd. dom S.-Pietierb. un-ta, 2005. – 472 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 16.09.2021